

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_187

А.А. Матюхин*

В.С. Комаров**

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВООПОНИМАНИЯ НА КАТЕГОРИИ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА***

***Аннотация.** В статье дается анализ имеющихся подходов к системному использованию ряда категорий теории государства в аспекте роли и значения категории «правопонимание». Авторы обосновывают идею о том, что содержание правопонимания находит свое выражение в определенной правовой онтологеме, покрывающей такие формы как правовая доктрина, правовая идея, парадигма, а более широко – в правовых учениях и правовых идеологиях.*

***Ключевые слова:** теория государства и права, правопонимание, субъективное, объективное, правовая норма, правовое отношение, правонарушение, состав правонарушения, правотворчество, правовое сознание.*

Ученые при рассмотрении правопонимания чаще всего сосредотачивают внимание либо на субъективных, либо на чисто идеальных его формах. При этом идеальные формы, закрепляемые в виде теоретических конструкций правоведения, правовых доктрин и идеологий, также считаются субъективными. Это возвращает нас к проблеме соотношения субъективного и объективного в праве – имеют ли правопонимание и его идеальные формы объективное значение?

Под субъективными формами правопонимания имеются в виду формы понимания права, законов, правовых обычаев и прецедентов, которые соотносимы как с индивидуальными, так и с коллективными субъектами. Это могут быть формы, присутствующие в индивидуальном (право)сознании, в том числе в правосознании юристов-профессионалов, и в коллективном, то есть в (право)сознании «масс», социальных групп и профессиональных сообществ. В последнем случае формы правопонимания приобретают *интерсубъективный* характер – становятся общими для многих индивидов. И тогда можно говорить о *коллективном субъекте* правопонимания.

При этом было бы неверно сводить правопонимание только к субъективной стороне права, относить его лишь к правосознанию – пусть и в идеализированных его

* **Матюхин Анатолий Алексеевич**, профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: info@amatyukhin.ru

** **Комаров Владимир Сергеевич**, доцент кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: wladskom@mail.ru

*** В статье использован материал монографии: *Матюхин А.* Государство в сфере права: институциональный подход. – Алматы: ВШП «Эділет», 2000. – С. 38–53.

формах. Возвышенные представления теории опредмечиваются в общественной практике. Объективное значение идеальных форм правопонимания находит свое выражение не исключительно в правосознании, но также и при создании, и при реализации норм права. Правопонимание, следовательно, выступает в качестве достаточно общей *интеллектуальной функции правовой культуры* [17, с. 116–122], причем не сводящейся только к пассивному созерцанию, но деятельной, не чисто субъективной, однако имеющей объективное значение.

Отличие форм правопонимания, присущих обыденному правосознанию «простых» людей, их социальных групп и «масс» (представления, мнения, предрассудки и т. д.), от более «рафинированных» форм, характерных для профессионального правосознания юристов и их сообществ, состоит лишь в том, что последние в своей практической и познавательной деятельности осознанно направляются идеальными формами юридического мышления. Подобные идеальные формы построения и использования юридических понятий, конструкций, презумпций, фикций и иных средств юридического мышления, задействуемые юристами-профессионалами как в «живой речи», так и при подготовке различных юридических документов, включая и текст Конституции Российской Федерации [11], становятся органической частью правопонимания профессионалов. Оно, в свою очередь, посредством правового образования и просвещения, становится культурным образцом для правопонимания остальной части общества.

Содержание правопонимания, благодаря перечисленным формам, транслируется между людьми и социальными группами не только в пространстве, но и во времени. Профессиональные сообщества используют для этой цели такие идеальные формы, как *правовая доктрина, правовая идея, парадигма*. В случае канала трансляции «с более широким диапазоном» говорится о *правовых учениях и правовых идеологиях*.

Таким образом, содержание правопонимания находит свое выражение в определенной *правовой онтологеме*, покрывающей все перечисленные формы.

Чтобы избежать перечисления всего многообразия форм, в которых объективируется профессиональное правопонимание, будем выделять, описывать концептуализации права. Корень «концепт», присутствующий в данном термине, указывает на опосредованный юридическим мышлением понятийный характер профессионального правопонимания [28]. Происхождение же существительного «концептуализация» от глагола «концептуализировать» подчеркивает то, что оно означает не статичную форму («концепция»), а *результат процесса* понимающе-осмысляющей – «концептуальной» – работы. Подобный результат – если говорить о правопонимании, присущем школе, сообществу или иному коллективному субъекту, существующему исторически длительное время – всегда в определенном отношении «промежуточный». Отдельно взятый юрист, решающий конкретные исследовательские или практические задачи, может остановиться в своем понимании права на определенной концепции, воспринятой в форме доктрины, парадигмы, учения, онтологемы и т. д. – но школа, если, конечно, она «живая», а не «закостеневшая» – всегда находится «в процессе» концептуализации. В этом смысле термин «концептуализация права» совпадает и обозначает направление правопонимания или характеризует имеющиеся подходы к пониманию права.

«Продукты» правотворчества, правопонимания, а шире – правосознания – можно оценивать и анализировать со стороны их содержательности, новизны, связи

с определенной традицией, с точки зрения их моральной и/или научной ценности, с позиции «технологии их изготовления» и т. д. То есть спектр возможностей очень многообразен. Нас будут интересовать концептуализации права с учетом того влияния, которое они оказали на конституирование сферы права в ее отношении к государству, под углом зрения возможностей, открывающихся с их помощью для правового самоограничения государства, «вписывания» его в сферу права. Постановке данной проблемы будут подчинены обзор школ и воззрений на право, известных из истории правовых учений, и анализ современных направлений правопонимания [16].

Выявленные задачи подчеркивают тот неоспоримый факт, что право во всей совокупности норм, институтов, ценностей и т. д. является социально обусловленным феноменом. Эта его социальная обусловленность «в целом представляет собой обширную проблему, которая предполагает глубокий анализ существующих в действительности общественных отношений, требующих правового регулирования» [12, с. 11].

Современная теория права постулирует, что общественные связи уже освоены мышлением, и это мышление накладывается на практику, присовокупляя к отношениям каждый раз определенную, специфическую для данного случая и в то же время типовую в формальном смысле «интеллектуальную добавку» – *юридическую конструкцию, фикцию* и т.п. В получающемся вследствие этого правоотношении выделяются его *субъекты, предмет (объект)*, по поводу которого осуществляется отношение; *форма*, опосредующая реализацию отношения, и *содержание*, которое характеризуется как *субъективные права* и как *юридические обязанности*, корреспондирующие друг другу [10, с. 498].

Обычно современная теория государства и права, выступая в качестве описательно-оформляющего знания, довольствуется обозначением и установлением субъектов, предмета, формы и содержания общественного отношения. Но естественно и стремление проникнуть глубже, постичь *основания*: откуда появляются права и обязанности? Откуда берется правовая форма и ее власть над нами? Почему одни отношения оформляются институционально-правовым образом, а другие – нет? Ведь признание права у другого, как и возложение на себя обязанности, есть волевой момент, более того – обязывающий, что подтверждается даже интуитивно. В чем природа политической власти как своеобразного системного культа в Старом или Новом свете? Власть образца Старого света выросла в эпоху феодальной теократии, тогда как власть образца Нового света в нынешних условиях претерпевает существенные изменения, например расширение стран БРИКС.

Как понять тогда – что такое «власть образца»? И может ли такая власть быть принята добровольно? К подобного рода власти над людьми идеи «разумно организованного общества» апеллировали сторонники теории общественного договора, вдохновляемые гуманистическим стремлением к минимизации насилия и реализации «естественного» права человека на свободу.

В этом пункте правопонимание существенно дополняет, расширяет собственную позицию: к его описательно-оформляющей, *дескриптивной* стороне присоединяется аспект *прескрипции*, предписания, обладающего свойством нормирования (суждения, линий поведения). И если дескриптивная функция правопонимания делает суждения, концепции о праве своего рода «экстенциональным» знанием – то есть знанием расширяющимся (латинское *extensio* означает «расширение»), то прескриптивная функция делает его, помимо всего прочего, знанием «интенциональным» (от

латинского *intentio*, что означает «стремление», подразумевающее направленность, ориентированность).

Иначе говоря, описательно-оформляющее действие правопонимания выполняет преимущественно функцию «показа» (в некотором роде «поставка», если воспользоваться одним из терминов современного постмодернизма), «поставляя» субъектам правоотношений оформленное описание правовой нормы-образца. Дескриптивное действие правопонимания подключает к позиции «взгляни, что есть данная норма-образец» существенную регулятивную добавку: «делай по данной норме-образцу». Эта дескрипция разворачивает правопонимание, правоистолкование в область практического действия, обращаясь к необходимости задействования субъектом *волевого* начала, концентрации усилия в направлении, «жить по праву».

Появление воли в качестве существенного обстоятельства ситуации выводит нас за границы «чистого разума» в область «разума практического», то есть в область гуманитарных дисциплин, оформляющих и регулирующих активность «одушевленных» субъектов.

Обычно в юриспруденции не обсуждается свободная воля, а признается чисто формализованная схема правоотношения, вошедшая во все учебники. Для политологии, например, представляется достаточным кантовский принцип *автономии личности* в качестве готовой «естественной» данности, подразумевающей существование гражданского общества, состоящего из самостоятельных граждан, обладающих свободой воли. Подобную ситуацию можно сравнить с отношением эпистемологии и науки. Ученый со своей позиции наблюдателя точно знает, что есть некие связи между знанием и объектом, которые обладают известной истинностью при определенных условиях. Но при этом про источники отношения «знание – объект» он ничего не знает, пока не поставит вопрос о *методе*, порождающем *новые знания* и выводящем на *новые объекты*.

Описательное правоведение в основном имеет дело с уже готовыми структурами и институциональными формами. Так, структура опосредования, скажем, в договоре, фиксирует *стязку содержания* (заданного в правах и обязанностях) и *предмета*. Возникает некоторый аналог эпистемологического отношения: там «знание – объект», а здесь – «субъективные права и субъективные юридические обязанности – содержание правоотношения». Форма в обоих случаях является опосредующей структурой, стягивающей два момента, два полюса отношения.

Иногда знаковая форма представляет собой некое «объективное содержание» знания для познающего субъекта, а иногда институционально-правовая форма объективирует содержание прав и обязанностей для субъектов, являющихся сторонами правоотношения. И в обоих случаях форма является «априорной», обладающей нормативной силой для субъекта. При этом следование ей добровольно-принудительное: в первом значении – чтобы «правильно мыслить», в другом – для того, чтобы «поступать по праву». Правда, вследствие различия категориального отношения «форма – содержание» в случаях познания и права ведущая модальность указанной «добровольной принудительности» оказывается различной. При научном познании это модальность необходимости с полагающейся при этом добровольностью познавательного усилия в рамках принудительности «правильного мышления». При создании и реализации права – модальность возможности с соответствующей ей принудительностью правового регулирования в рамках добровольного использования норм права [18, с. 7–15].

В соответствии с изложенным, институциональное строительство в политико-правовом пространстве требует «практического знания», способного конструировать «априорные» формы применительно к конкретной ситуации, а не просто описательно-оформляющего знания, основанного на теоретической идеализации и принимающего эти формы действительно как априорные, то есть как данность, в готовом виде.

Признание необходимости следования правовой форме неким «таинственным» образом сливает воедино две силы, имеющие, на первый взгляд, совершенно разную природу: *принудительность власти права* и *принудительность культурной нормы*. Феноменологически, однако, ясно, что эти две силы сходятся при установлении институтов – государственной власти, законодательства, судопроизводства.

Всякая власть основывается на отчуждении воли. Понятно также, что такое «прямая» власть: это господство, основанное на отчуждении воли путем насилия. Применительно к рассматриваемому вопросу следует, на наш взгляд, достаточно очевидный постулат: власть права и культурной нормы-образца, при всем наличии в ней «отчуждающей» компоненты, есть один из основных способов как институционализации Идеи Права, так и институционализации государства в сфере права в качестве *правового*, а самого общества – в качестве *гражданского*. Отсюда также следует и общий вывод о том, какова специфика современного правопонимания: оно с необходимостью должно быть основано на институциональном подходе, теснейшим образом сопряженном с культурологической, точнее – социокультурной рефлексией.

При попытке рассмотреть отличительные черты современного правопонимания речь должна идти о его развернутой интерпретации, причем такой, которая позволяет связать основания предметных построений различных школ и направлений правопонимания с содержанием правовой Идеи и с вопросами становления (или построения) правового государства [1]. Подобное разворачивание правопонимания сталкивается с характерной методологической трудностью, вызываемой такой особенностью современного правопонимания, как неоднозначность.

В XX веке в странах западной демократии, традиционно придерживавшихся плюрализма правопониманий, а теперь и у нас возникла очевидная «неклассическая» ситуация в правоведении, когда имеется множество школ права, каждая из которых претендует на формулирование как собственной теоретической парадигмы, так и «особой» онтологемы правопонимания.

Акцентируя внимание на упомянутой выше неоднозначности правопонимания, можно в качестве **первой** и наиболее очевидной черты современного правопонимания, которая как раз и вызывает эту неоднозначность, указать на *наличие в правоведении множественности школ со своими собственными точками зрения на право и понятие о нем*. Каждая из школ опирается на собственные основания. Различие в основаниях правопонимания обуславливает и разницу воззрений о роли и назначении государства.

Вторая характерная черта заключается в том, что представители школ права, хотя и спорят между собой, но вынуждены – хотя бы для того, чтобы очертить предмет спора, *пользоваться одними и теми же понятиями*. Вместе с тем, использование сходной терминологии не ведет к одинаковому пониманию содержания используемых слов.

Третья важная особенность состоит в том, что *общие понятия помещаются в различные исследовательские контексты и трактуются по-разному*. Если бы

последнее было не так, то правоведы, по крайней мере, договорились бы об определении понятия «право». Но этого не происходит, что отражается и на подходе к проблемам развития государственности, толкования Конституции РФ и других нормативно-правовых актов [11].

Какие же понятия составляют своего рода «общие места» юридической науки? Представляется, что в современном правоведении такую функцию выполняют понятия «правовая норма», «правоотношение», «правосознание», «правовая культура», «правонарушение», «состав правонарушения» и т.д. [10]. «Неизбежность» данных понятий в нынешнем правопонимании определяется если не теоретически [2, с. 379; 4; 27], то, во всяком случае, их практическим значением.

Так, без определенного представления о правовых нормах невозможно принять ни один *нормативный правовой акт*. Именно следование правовым нормам, в том числе и выраженным в нормативных правовых актах, превращает социальное поведение в *правовое* [13; 19; 23].

Ситуации осуществления (реализации) правовых норм носят, как правило, коллективный характер, иными словами, реализуются посредством *правоотношений* [7; 9; 26]), что требует общественного осознания правовых норм, формирования *общественного правосознания* [2; 3]. Но при этом, взятое само по себе, правосознание не познает, не оценивает и не регулирует. *Посредством* правосознания регуляцию, оценку и познание осуществляют *субъекты (индивидуальные или коллективные)*, включенные в многообразную систему социальных, в том числе и правовых, связей и отношений. Их практическая духовная деятельность по воспроизводству правосознания есть в действительности серьезнейшее *духовное усилие*. А поскольку духовный труд создает общественную связь в идеальной форме, в форме идеи, то и деятельность правосознания, следовательно, есть создание общественной связи посредством и в форме *Идеи Права*. Добавим к этому и опыт предшествующей философии: еще Г.Гегель усматривал в духовном труде процесс «самопорождения человека». Соответственно, правосознание, как воспроизводство Идеи Права, есть самопорождение «правового человека».

Категории теории государства и права «правовая норма», «правоотношение», «правосознание» и т.п. используются различными школами, что позволяет выделить базовую характеристику «группового» правопонимания: *фокусировка на одном из понятий при признании значимости остальных, но в качестве второстепенных*. В философии такая фокусировка называется «*усмотрением сущности*». В результате разные школы по-своему определяют сущность права, что, естественно, влияет и на истолкование основных терминов.

С понятиями «правовая норма», «правоотношение», «правосознание», «правонарушение», «состав правонарушения» тесно связано понятие «*правовое поведение*» [10, с. 458]. В этом же ряду и понятия «*правоприменение*» [8; 14; 24] и «*правотворчество*» [20; 21; 22], характеризующие важнейшие правовые функции государства.

Предельность, «категориальность» данных терминов подтверждается уже тем, что через каждый из них можно переинтерпретировать остальные. Например, они могут быть охарактеризованы с точки зрения правоотношений. Правовое поведение есть адекватное социальное поведение субъекта правоотношения, правоприменение и правотворчество – особые правоотношения по поводу, соответственно, реализации и создания правовых норм. Возможна и обратная трактовка, истолковывающая правоотношение как правовое поведение, как правоприменение и как правотворчество.

Первый и второй моменты в правоотношении очевидны, а третий – понимается как «воссоздание» правовой нормы применительно к конкретной ситуации, создание прецедента.

Очевидна и связь понятий «правовое поведение», «правоприменение» и «правотворчество» как минимум с двумя другими базовыми понятиями – «правовая норма» и «правосознание». Так, лишь следование правовым нормам на основе развитого правосознания превращает социальное поведение в правовое. Правотворчество направлено на создание правовых норм, правоприменение – на их реализацию. Как уже отмечалось, создание правовых норм невозможно без апелляции к правосознанию. То же самое относится и к правоприменению, когда объективно необходимо толкование правовых норм.

На основе каких принципов должны строиться рассуждения при исследовании описанной ситуации со множественностью позиций по поводу понимания права? Представляется, что подобными принципами рассмотрения различных точек зрения на право разных школ выступают такие обязательно признаваемые факторы, как наличие «зерна истины» во взглядах каждой школы; частичный характер каждого из правопониманий; необходимость интегративного правопонимания без волюнтаристских фокусировок на чем-то отдельном.

Конечно, можно приводить многочисленные аргументы в пользу той или иной конкурирующей точки зрения. Но гораздо более продуктивно признание того, что каждая из теоретических позиций содержит зерно истины и, одновременно, ни одна из них не обладает монопольным правом на объективную истинность. Претендуя же на объективно-истинностный взгляд, необходимо подняться над данной «неклассической ситуацией», сделав ее саму частью теоретического исследования. Только в этом случае можно говорить о «беспристрастной» теории.

Подобному требованию беспристрастности взгляда отвечает занятие *рефлексивной позиции*, позволяющей посмотреть на «неклассическую ситуацию» со стороны. Занятие сторонней (рефлексивной) позиции необходимо и единственно возможно для выделения оснований «перекрывающегося» (overlapping) консенсуса точек зрения* в контексте решения практической задачи построения правового государства, что возможно лишь благодаря достижению рефлексивного равновесия (reflective equilibrium) точек зрения, ищущих консенсус. Метод, соответствующий такой рефлексивной позиции, Джон Ролз называет «методом избегания» (method of avoidance) [25; 29], имея в виду запрет на «проваливание» в содержательные крайности какой-либо одной доктрины. С нашей точки зрения, наиболее перспективным с позиции попыток создания «беспристрастной» теории, выводящей за рамки отмеченной «неклассической ситуации», является институциональный подход или методология институционализма.

Смысл апелляции к данной методологии состоит в том, чтобы вырваться из замкнутого круга дискуссий о «чистых идеях» за счет обращения к тем *устойчивым структурам человеческой деятельности (практики)*, в которых эти идеи воплощаются (или, как бы сказал Г.Гегель – «опредмечиваются»). Устойчивое существование структур человеческой деятельности обеспечивается их *воспроизводством*, социальной формой которого являются институты.

* «Перекрывающийся» (overlapping) консенсус представляет собой фокусировку не на различиях в точках зрения, а на «перекрывающейся» области, по поводу которой существует согласие [28; 29].

Основателем методологии институционализма в правоведении считается французский конституционалист Морис Ориу. Еще в начале XX века он писал о синтетической методологии институционального подхода, что подразумевает *соединение социологического и формально-юридического* методов рассмотрения [5; 6].

Ключевое для такого подхода понятие института традиционно и для правоведения (правовые институты), и для социологии (социальные институты). Это дает надежду на объединение бесспорных достижений как социологической юриспруденции, так и нормативистско-позитивистских взглядов на право.

Кроме того, считая правовой институт юридической формой реализации *направляющей идеи*, М.Ориу помещал свою концепцию правопонимания также в русло традиции *классической либеральной философии права*. Именно она как раз и подчеркивала, что право есть форма бытия свободы, и поэтому в основании правопонимания лежит Идея Права как производная от Идеи Свободы. Исходя из этого, мы считаем вправе называть данную концептуализацию права либеральным институционализмом. Мы ведем речь о **классическом либерализме, а не о современном**, продвигающем на первый план разного рода права меньшинств с «нетрадиционной ориентацией», однополые браки, чайлд-фри (*childe free*, т.е. бездетность) и прочие изыски современной гендерной повестки, применимость к которым понятия «естественное право» вызывает большие сомнения. Ведь «естественные» права признаются неотъемлемыми и неотчуждаемыми, абсолютными. И в условиях, когда их содержание меняется исторически, оно должно опираться на традицию, а не на измышления гендерных теоретиков. Кроме того, современная гендерная повестка опирается на *методологический индивидуализм*, рассматривая в качестве высшей ценности *права и свободы индивида*. А для институционализма важны *вписанность индивида в социальный контекст и соответствие требованию общественного воспроизводства*, задаваемые представлениями об институтах и выражаемое *принципом «методологического институционализма»*. И далеко не каждое изобретение гендерных теоретиков удовлетворяет этому принципу.

Признавая частичный характер индивидуального правопонимания, несмотря на претензии каждого его носителя на объективно-истинностное знание о праве, и акцентируя внимание на наличии в них «зерен истины», необходимо также признать актуальную и настоятельную необходимость в интегративном правопонимании, которое исключало бы возможность волюнтаристской фокусировки на чем-то отдельном, на одной-единственной точке зрения на право.

Суть подобного интегративного правопонимания состоит в том, чтобы, не стремясь заменить многообразие направлений правопонимания одним «единственно верным», задать общее пространство их сосуществования, соизмерения, коммуникации на неких социально, культурно и политически приемлемых основаниях. Именно по поводу этих оснований, – а не по поводу содержательного наполнения правопонимания – и должен быть найден «перекрывающийся консенсус» в понимании Дж.Ролза [30].

В качестве теоретико-методологической модели такого интегративного правопонимания и может служить правовая теория и правовая философия либерального институционализма [16]. Нам представляется, что таким вектором развития категориального состояния теории государства и права может быть построение интегративного понимания на базе институционализма: это выделение трех «базисных» категорий правовой нормы, правоотношения и правосознания, учитывая три основных

направления правопонимания, которым соответствуют эти категории согласно идеям О.Э.Лейста [15], и конфигурирование их в схеме института права – притом, что исходные направления правопонимания оказываются «проекциями» интегративной картины.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: НОРМА, 1998. – 409 с.
2. *Баймаханов М. Т.* Право, сознание, поведение // Мысль. – 1993. – № 4.
3. *Баймаханов М. Т., Вайсберг Л. М., Бейсенова А. У.* Взаимодействие правового сознания с моралью и нравственностью в обществе переходного периода. – Алматы: Жеті жаргы, 1995.
4. *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
5. *Воротилин Е.А.* Политико-правовая теория институционализма М. Ориу (историко-критический анализ): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 16 с.
6. *Графский В. Г.* Политические и правовые учения Франции // История политических и правовых учений XX в. – М.: Наука, 2005. – 595 с.
7. *Гойман В. И.* Действие права: Методологический анализ. – М.: Акад. МВД РФ, 1992. – 182 с.
8. *Карташов В. Н.* Применение права: учебное пособие. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1980. – 74 с.
9. *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с.
10. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. // Серия: Профессиональный комментарий.
12. *Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П.* Современная социология права. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
13. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. – М.: Наука, 1982. – 287 с.
14. *Лазарев В. В.* Социально-психологические аспекты применения права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 144 с.
15. *Лейст О.Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права (под редакцией В.А. Томсинова). – М.: "Зерцало", 2008 г. – 246 с.
16. *Матюхин А. А.* Государство в сфере права: институциональный подход / А. Матюхин; Высш. шк. "Эділет". – Алматы: Эділет, 2000. – 589 с.
17. *Марача В. Г.* Правопонимание в состязательных институтах // Науч. тр. "Эділет" (Алматы). – 2000. – № 1 (7). – С. 116–122.
18. *Марача В. Г.* Исследование мышления в Московском методологическом кружке и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах (Москва). – 1997. – № 18. – С. 7–15.
19. *Оксамытний В. В.* Правомерное поведение личности. – Киев: Наукова думка, 1985. – 175 с.
20. Право и правотворчество: вопросы теории / Редкол.: Боботов С.В., Казимирчук В.П. (Отв. ред.), Лукашева Е.А., Халфина Р.О. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – 128 с.
21. Правотворчество. Теория и законодательная техника: Перевод с румынского / Нашиц А. / Под ред.: Керимов Д.А. (Послесл.), Мицкевич А.В.; Пер.: Фодор И. – М.: Прогресс, 1974. – 256 с.

22. Парламент и законодательная власть Казахстана [Текст]: Монография / Отв. ред. А. А. Таранов. – Алматы: Жеті жарғы, 1995. – 160 с.
23. Психология правомерного поведения / Нурпеисов Е.К.; Отв. ред.: Баймаханов М.Т., Казимирчук В.П. –Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 127 с.
24. Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: Системный анализ. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 154 с.
25. Ролз Д. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд. НГУ, 1995. – 534 с.
26. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 351 с.
27. Явич Л.С. Сущность права: Социал.-филос. понимание генезиса, развития и функционирования юрид. формы общественных отношений / Л. С. Явич. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 207 с.
28. Hart H. L. A. The Concept of Law. Clarendon Press, Oxford, 1977. 333 p.
29. Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs, Vol. 14, No. 3. (Summer, 1985), pp. 223–251 // URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0048-3915%28198522%2914%3A3%3C223%3AJAFPNM%3E2.0.CO%3B2-0>
30. Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // Oxford Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 7 (1). Pp. 1–25.

Для цитирования: Матюхин А.А., Комаров В.С. Отличительные особенности воздействия правовопонимания на категории теории государства и права: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 4-1 (34). – С. 187–196.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_187

DISTINCTIVE FEATURES OF THE IMPACT LEGAL UNDERSTANDING ON THE CATEGORIES OF STATE THEORY AND RIGHTS *

Anatoly A. Matyukhin**
Vladimir S. Komarov***

Annotation. *The article provides an analysis of available approaches to the systematic use of a number of categories of state theory in terms of the role and meaning of the category “legal understanding”. The authors substantiate the idea that the content of legal understanding finds its expression in a certain legal ontology, covering such forms as legal doctrine, legal idea, paradigm, and more broadly in legal doctrines and legal ideologies.*

Key words: *theory of state and law, legal understanding, subjective, objective, legal norm, legal attitude, legal violation, elements of an offense, lawmaking, legal consciousness.*

When considering legal understanding, scientists most often focus their attention on either its subjective or purely ideal forms. At the same time, ideal forms, fixed in the form of theoretical constructions of jurisprudence, legal doctrines and ideologies, are also considered

* The article uses material from the monograph: Matyukhin A. A. State in the field of law: institutional approach / A. Matyukhin; Higher school "Edilet." Almaty: Edilet, 2000. P. 38–53.

** **Matyukhin Anatoly Alekseevich**, professor of the department of theory and history of state and law of the Private educational institution of higher education "Law Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, professor. E-mail: info@amatyukhin.ru

*** **Komarov Vladimir Sergeevich**, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: wladskom@mail.ru

Theory of State and Law

subjective. This brings us back to the problem of the relationship between the subjective and objective in law – do legal understanding and its ideal forms have objective meaning?

By subjective forms of legal understanding we mean forms of understanding of law, laws, legal customs and precedents that are correlated with both individual and collective subjects. These can be forms that are present in individual (legal) consciousness, including the legal consciousness of professional lawyers, and in the collective, that is, in the (legal) consciousness of the “masses,” social groups and professional communities. In the latter case, forms of legal understanding acquire an intersubjective character – they become common to many individuals. And then we can talk about the collective subject of legal understanding.

At the same time, it would be wrong to reduce legal understanding only to the subjective side of law, to attribute it only to legal consciousness – albeit in its idealized forms. The sublime ideas of theory are objectified in social practice. The objective meaning of ideal forms of legal understanding finds its expression not only in legal consciousness, but also in the creation and implementation of legal norms. Legal understanding, therefore, acts as a fairly general intellectual function of legal culture [17, p. 116–122], and not reducible only to passive contemplation, but active, not purely subjective, but having an objective meaning.

The difference between the forms of legal understanding inherent in the ordinary legal consciousness of “ordinary” people, their social groups and “masses” (ideas, opinions, prejudices, etc.) from the more “refined” forms characteristic of the professional legal consciousness of lawyers and their communities consists only in the fact that the latter in their practical and cognitive activities are consciously guided by ideal forms of legal thinking. Such ideal forms of construction and use of legal concepts, constructions, presumptions, fictions and other means of legal thinking, used by professional lawyers both in “live speech” and in the preparation of various legal documents, including the text of the Constitution of the Russian Federation [11], become an organic part of legal understanding of professionals. It, in turn, through legal education and enlightenment, becomes a cultural model for the legal understanding of the rest of society.

The content of legal understanding, thanks to the listed forms, is transmitted between people and social groups not only in space, but also in time. Professional communities use for this purpose such ideal forms as legal doctrine, legal idea, paradigm. In the case of a broadcast channel with a “wider range”, legal doctrines and legal ideologies are spoken about.

Thus, the content of legal understanding finds its expression in a certain legal ontology that covers all of the listed forms.

To avoid listing the entire variety of forms in which professional legal understanding is objectified, we will highlight and describe conceptualizations of law. The root “concept” present in this term indicates the conceptual nature of professional legal understanding mediated by legal thinking [28]. The origin of the noun “conceptualization” from the verb “conceptualize” emphasizes that it does not mean a static form (“concept”), but the result of a process of understanding and comprehension – “conceptual” – work. Such a result – if we talk about legal understanding inherent in a school, community or other collective entity that has existed historically for a long time – is always “intermediate” in a certain respect. An individual lawyer, solving specific research or practical problems, may settle in his understanding of law on a certain concept, perceived in the form of a doctrine, paradigm, teaching, ontology, etc. – but a school, if, of course, it is “living”, and not “ossified” – is always “in the process” of conceptualization. In this sense, the term “conceptualization of law” coincides and denotes

the direction of legal understanding or characterizes the existing approaches to understanding law.

“Products” of law-making, legal understanding, and more broadly – legal consciousness – can be assessed and analyzed from the point of view of their content, novelty, connection with a certain tradition, from the point of view of their moral and/or scientific value, from the point of view of the “technology of their production”, etc. etc. That is, the range of possibilities is very diverse. We will be interested in conceptualizations of law, taking into account the influence that they had on the constitution of the sphere of law in its relation to the state, from the point of view of the opportunities that open up with their help for the legal self-restraint of the state, “fitting it” into the sphere of law. The formulation of this problem will be subject to a review of schools and views on law, known from the history of legal doctrines, and an analysis of modern trends in legal understanding [16].

The identified tasks emphasize the indisputable fact that law in the entire set of norms, institutions, values, etc. is a socially determined phenomenon. This social conditionality “in general represents a broad problem that involves a deep analysis of the social relations that actually exist and require legal regulation” [12, p. eleven].

The modern theory of law postulates that social relations have already been mastered by thinking, and this thinking is superimposed on practice, adding to the relationship each time a certain, specific for a given case and at the same time typical in the formal sense “intellectual additive » – legal construction, fiction, etc. In the resulting legal relationship, its subjects, the subject (object) in relation to which the relationship is carried out, are distinguished; the form that mediates the implementation of the relationship, and the content, which is characterized as subjective rights and legal obligations corresponding to each other [10, p. 498].

Typically, the modern theory of state and law, acting as descriptive and formative knowledge, is content with designating and establishing the subjects, subject, form and content of social relations. But it is also natural to strive to penetrate deeper, to comprehend the foundations: where do rights and responsibilities come from? Where does the legal form and its power over us come from? Why are some relationships formalized in an institutional and legal manner, while others are not? After all, recognition of another’s right, as well as the assumption of responsibility, is a volitional moment, moreover, an obligatory one, which is confirmed even intuitively. What is the nature of political power as a kind of systemic cult in the Old or New World? The power of the Old World model grew during the era of feudal theocracy, while the power of the New World model in current conditions is undergoing significant changes, for example, the expansion of the BRICS countries.

How can we understand then what “model power” is? And can such power be assumed voluntarily? The idea of a “reasonably organized society” appealed to this kind of power over people by supporters of the social contract theory, inspired by the humanistic desire to minimize violence and realize the “natural” human right to freedom.

At this point, legal understanding significantly complements and expands its own position: its descriptive-formative, descriptive side is joined by the aspect of prescription, prescription, which has the property of norming (judgments, lines of behavior). And if the descriptive function of legal understanding makes judgments, concepts about law with a kind of “extensional” knowledge – that is, expanding knowledge (Latin *extensio* means “extension”), then prescriptive This function makes it, among other things, “intentional” knowledge (from the Latin *intentio*, which means “striving”, implying direction, orientation).

Theory of State and Law

In other words, the descriptive-formalizing action of legal understanding primarily performs the function of “showing” (in some way “showing,” to use one of the terms of modern postmodernism), “supplying” to the subjects of legal relations a formalized description of the legal norm-model. The descriptive action of legal understanding connects to the position “look at what this model norm is” with an essential regulatory addition: “do according to this model norm.” This description expands legal understanding and legal interpretation into the area of practical action, addressing the need for the subject to engage the volitional principle and concentrate efforts in the direction of “living by law.”

The emergence of will as an essential circumstance of the situation takes us beyond the boundaries of “pure reason” into the realm of “practical reason,” that is, into the field of humanitarian disciplines that shape and regulate the activity of “animate” subjects.

Usually in jurisprudence free will is not discussed, but a purely formalized scheme of legal relations is recognized, which is included in all textbooks. For political science, for example, the Kantian principle of personal autonomy seems sufficient as a ready-made “natural” given, implying the existence of a civil society consisting of independent citizens with free will. This situation can be compared with the relationship between epistemology and science. A scientist from his observer position knows for sure that there are certain connections between knowledge and an object that have a certain truth under certain conditions. But at the same time, he knows nothing about the sources of the “knowledge-object” relationship until he raises the question of a method that generates new knowledge and leads to new objects.

Descriptive jurisprudence mainly deals with ready-made structures and institutional forms. Thus, the structure of mediation, say, in an agreement, fixes the connection between the content (specified in rights and obligations) and the subject. A certain analogue of the epistemological relationship arises: there, “knowledge is an object,” and here, “subjective rights and subjective legal obligations are the content of the legal relationship.” The form in both cases is a mediating structure that brings together two moments, two poles of the relationship.

Sometimes the sign form represents a certain “objective content” of knowledge for the cognizing subject, and sometimes the institutional-legal form objectifies the content of rights and obligations for the subjects who are parties to the legal relationship. And in both cases, the form is “a priori”, possessing normative force for the subject. At the same time, following it is voluntary-compulsory: in the first sense – in order to “think correctly”, in the other – in order to “act according to the right”. True, due to the difference in the categorical relationship “form – content” in the cases of cognition and law, the leading modality of the indicated “voluntary compulsion” turns out to be different. In scientific knowledge, this is a modality of necessity with the voluntary nature of cognitive effort relying within the framework of the compulsory nature of “correct thinking.” When creating and implementing law, there is a modality of possibility with the corresponding coerciveness of legal regulation within the framework of the voluntary use of legal norms [18, p. 7–15].

In accordance with the above, institutional construction in the political and legal space requires “practical knowledge” capable of constructing “a priori” forms in relation to a specific situation, and not just descriptive and formal knowledge based on a theoretical idea. a-lization and accepting these forms truly as a priori, that is, as a given, in finished form.

Recognition of the need to follow the legal form in some “mysterious” way merges two forces that, at first glance, have completely different natures: the coerciveness of the rule

of law and the coerciveness of the cultural norm. Phenomenologically, however, it is clear that these two forces converge in the establishment of institutions – state power, legislation, legal proceedings.

All power is based on the alienation of will. It is also clear what “direct” power is: it is domination based on the alienation of will through violence. In relation to the issue under consideration, in our opinion, a fairly obvious postulate follows: the power of law and cultural norm-model, with all the presence of an “alienating” component in it, is one of the main ways of both the institutionalization of the Idea of Law and the institutionalization of the state in the sphere law as legal, and society itself as civil. This also leads to a general conclusion about the specificity of modern legal understanding: it must necessarily be based on an institutional approach, closely associated with cultural, or more precisely, sociocultural reflection.

When trying to consider the distinctive features of modern legal understanding, we should talk about its detailed interpretation, and one that allows us to connect the foundations of the substantive constructions of various schools and directions of legal understanding with the content of the legal Idea and with the issues of the formation (or construction) of a rule-of-law state [1]. Such an unfolding of legal understanding faces a characteristic methodological difficulty caused by such a feature of modern legal understanding as ambiguity.

In the 20th century, in Western democracies that traditionally adhered to pluralism of legal understandings, and now in our country, an obvious “non-classical” situation in jurisprudence arose, when there are many schools of law, each of which claims to formulate both its own theoretical paradigm and “special” ontology of legal understanding.

Focusing on the above-mentioned ambiguity of legal understanding, we can, as the first and most obvious feature of modern legal understanding, which precisely causes this ambiguity, point out the presence in jurisprudence of a plurality of schools with their own points of view on law and concept about it. Each school rests on its own foundations. The difference in the foundations of legal understanding also determines the difference in views about the role and purpose of the state.

The second characteristic feature is that representatives of schools of law, although they argue among themselves, are forced, at least in order to outline the subject of the dispute, to use the same concepts. At the same time, the use of similar terminology does not lead to the same understanding of the content of the words used.

A third important feature is that general concepts are placed in different research contexts and interpreted differently. If the latter were not so, then jurists would at least agree on the definition of the concept of “law.” But this does not happen, which is reflected in the approach to the problems of development of statehood, interpretation of the Constitution of the Russian Federation and other legal acts [11].

What concepts constitute a kind of “commonplace” of legal science? It seems that in modern jurisprudence such a function is performed by the concepts of “legal norm”, “legal relationship”, “legal awareness”, “legal culture”, “offence”, “corpus delicti”, etc. [10]. The “inevitability” of these concepts in the current legal understanding is determined, if not theoretically [2, p. 379; 4; 27], then, in any case, their practical meaning.

Thus, without a certain understanding of legal norms, it is impossible to adopt a single normative legal act. It is adherence to legal norms, including those expressed in normative legal acts, that transforms social behavior into legal behavior [13; 19; 23].

Situations of implementation (implementation) of legal norms are, as a rule, collective in nature, in other words, they are implemented through legal relations [7; 9; 26]), which

Theory of State and Law

requires public awareness of legal norms, the formation of public legal consciousness [2; 3]. But at the same time, taken by itself, legal knowledge does not recognize, evaluate, or regulate. Through legal consciousness, regulation, assessment and cognition are carried out by subjects (individual or collective) included in a diverse system of social, including legal, connections and relationships. Their practical spiritual activity for the reproduction of legal consciousness is in fact a most serious spiritual effort. And since spiritual work creates a social connection in an ideal form, in the form of an idea, the activity of legal consciousness, therefore, is the creation of a social connection through and in the form of the Idea of Law. Let us add to this the experience of previous philosophy: even G. Hegel saw in spiritual work the process of “self-generation of man.” Accordingly, legal consciousness, as the reproduction of the Idea of Law, is the self-production of a “lawful person”.

Categories of the theory of state and law “legal norm”, “legal relationship”, “legal consciousness”, etc. are used by various schools, which allows us to highlight the basic characteristic of “group” legal understanding: focusing on one of the concepts while recognizing the importance of the others, but as secondary ones. In philosophy, this focus is called “consideration of essence.” As a result, different schools define the essence of law in their own way, which naturally affects the interpretation of basic terms.

The concept of “legal behavior” is closely related to the concepts of “legal norm”, “legal relationship”, “legal consciousness”, “offence”, “corpus delicti” [10, p. 458]. In the same series are the concepts of “law enforcement” [8; 14; 24] and “law-making” [20; 21; 22], characterizing the most important legal functions of the state.

The ultimate, “categorical” nature of these terms is confirmed by the fact that through each of them the others can be reinterpreted. For example, they can be characterized in terms of legal relations. Legal behavior is the adequate social behavior of the subject of legal relations, law enforcement and law-making are special legal relations regarding, respectively, the implementation and creation of legal norms. A reverse interpretation is also possible, interpreting the legal relationship as legal behavior, as law enforcement and as law-making. The first and second points in the legal relationship are obvious, and the third is understood as the “recreation” of a legal norm in relation to a specific situation, the creation of a precedent.

The connection between the concepts of “legal behavior”, “law enforcement” and “law creation” with at least two other basic concepts – “legal norm” and “legal awareness” is also obvious. Thus, only adherence to legal norms on the basis of a developed legal consciousness transforms social behavior into legal behavior. Law creativity is aimed at creating legal norms, law enforcement is aimed at their implementation. As already noted, the creation of legal norms is impossible without an appeal to legal consciousness. The same applies to law enforcement, when interpretation of legal norms is objectively necessary.

On what principles should reasoning be based when studying the described situation with a multiplicity of positions regarding the understanding of law? It seems that similar principles for considering different points of view on the law of different schools are such necessarily recognized factors as the presence of a “grain of truth” in the views of each school; the partial nature of each legal understanding; the need for an integrative legal understanding without voluntaristic focusing on something separate.

Of course, numerous arguments can be made in favor of one or another competing point of view. But it is much more productive to recognize that each of the theoretical positions contains a grain of truth and, at the same time, none of them has a monopoly on objective truth. When laying claim to an objectively truthful view, it is necessary to rise above this

“non-classical situation”, making it itself a part of theoretical research. Only in this case can we talk about an “impartial” theory.

A similar requirement for an impartial view is met by taking a reflexive position, which allows you to look at the “non-classical situation” from the outside. Taking an outside (reflexive) position is necessary and the only one possible to highlight the grounds for an “overlapping” consensus of points of view in the context of solving the practical problem of building a rule of law state, which is possible only through achieving a reflective equilibrium of points of view seeking consensus. The method corresponding to such a reflexive position is called by John Rawls the “method of avoidance” [25; 29], meaning the prohibition on “falling” into the substantive extremes of any one doctrine. From our point of view, the most promising from the standpoint of attempts to create an “impartial” theory that goes beyond the noted “non-classical situation” is the institutional approach or the methodology of institutionalism.

The point of appealing to this methodology is to break out of the vicious circle of discussions about “pure ideas” by turning to those stable structures of human activity (practice) in which these ideas are embodied (or, as G. Hegel would say – “objectified”). The sustainable existence of the structures of human activity is ensured by their reproduction, the social form of which is institutions.

The founder of the methodology of institutionalism in jurisprudence is considered to be the French constitutionalist Maurice Hauriou. At the beginning of the 20th century, he wrote about the synthetic methodology of the institutional approach, which implies a combination of sociological and formal legal methods of consideration [5; 6].

The concept of institution, which is key to this approach, is traditional both for law studies (legal institutions) and for sociology (social institutions). This gives hope for the unification of the indisputable achievements of both sociological jurisprudence and normativist-positivist views on law.

In addition, considering the legal institution to be a legal form of implementation of the guiding idea, M. Oriu placed his concept of legal understanding also in line with the tradition of classical liberal philosophy of law. It was she who emphasized that law is a form of existence of freedom, and therefore the basis of legal understanding lies in the Idea of Law as a derivative of the Idea of Freedom. Based on this, we believe we have the right to call this conceptualization of law liberal institutionalism. We are talking about classical liberalism, and not about modern liberalism, which promotes various kinds of minority rights with a “non-traditional orientation”, same-sex marriage, child free (i.e. childlessness) and other delights of modern gender agenda, the applicability of the concept of “natural law” to which is highly questionable. After all, “natural” rights are recognized as inalienable and inalienable, absolute. And in conditions when their content changes historically, it should be based on tradition, and not on the fabrications of gender theorists. In addition, the modern gender agenda is based on methodological individualism, considering the rights and freedom of the individual as the highest value. And for institutionalism, what is important is the individual’s fit into the social context and compliance with the requirement of social reproduction, set by ideas about institutions and expressed by the principle of “methodological institutionalism.” And not every invention of gender theorist satisfies this principle.

Recognizing the partial nature of individual legal understanding, despite the claims of each of its bearers to objectively true knowledge of law, and focusing on the presence of “grains of truth” in them, it is also necessary to recognize the current and urgent need for an

integrative legal understanding, which would exclude the possibility of a voluntaristic focus on something separate, on one single point of view on law.

The essence of such an integrative legal understanding is that, without trying to replace the diversity of directions of legal understanding with one “only true” one, to create a common space for their coexistence, commensurateness, and communication on certain socially, culturally and politically acceptable grounds. It is on these grounds, and not on the content of legal understanding, that an “overlapping consensus” in the understanding of J. Rawls should be found [30].

The legal theory and legal philosophy of liberal institutionalism can serve as a theoretical and methodological model of such an integrative legal understanding [16]. It seems to us that such a vector for the development of the categorical state of the theory of state and law can be the construction of an integrative understanding on the basis of institutionalism: this is the identification of three “basic” categories of legal norms, legal relations and legal consciousness, taking into account the three main directions of legal understanding to which these categories correspond according to the ideas of O.E. Leist [15], and configuring them in the scheme of the institution of law – despite the fact that the initial directions of legal understanding turn out to be “projections” of the integrative picture.

Bibliography

1. Alekseev S.S. The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and problems of law in the modern era. Moscow: NORM, 1998. 409 p.
2. Baimakhanov M. T. Law, consciousness, behavior // Thought. 1993. No. 4.
3. Baimakhanov M. T., Weisberg L. M., Beisenova A. U. Interaction of legal consciousness with morality and morality in a transitional society. Almaty: Zheti zhar-gy, 1995.
4. Vasiliev A. M. Legal categories. Methodological aspects of developing a system of categories of law. Moscow: Legal. lit., 1976. 264 p.
5. Vorotilin E.A. Political and legal theory of institutionalism by M. Oriu (historical-critical analysis): abstract. dis. ...cand. legal Sci. Moscow: MGU, 1979. 16 p.
6. Grafsky V. G. Political and legal doctrines of France // History of political and legal doctrines of the twentieth century. Moscow: Nauka, 2005. 595 p.
7. Goiman V. I. Action of law: Methodological analysis. Moscow: Acad. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1992. 182 p.
8. Kartashov V. N. Application of law: textbook. Yaroslavl: YarSU Publishing House, 1980. 74 p.
9. Kechekyan S. F. Legal relations in socialist society. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 187 p.
10. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
11. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. // Series: Professional commentary.
12. Kudryavtsev V.N., Kazimirchuk V.P. Modern sociology of law. Moscow: Yurist, 1995. 297 p.
13. Kudryavtsev V. N. Legal behavior: norm and pathology. Moscow: Nauka, 1982. 287 p.
14. Lazarev V.V. Social and psychological aspects of the application of law. Kazan: Kazan Publishing House. Univ., 1989. 144 p.
15. Leist O.E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law (edited by V.A. Tomsinov). Moscow: "Mirror", 2008. 246 p.
16. Matyukhin A. A. State in the field of law: institutional approach / A. Matyukhin; Higher school "Edilet." Almaty: Edilet, 2000. 589 p.

17. Maracha V. G. Legal understanding in adversarial institutions // Scientific. tr. "Edilet" (Almaty). 2000. No. 1 (7). pp. 116–122.
18. Maracha V. G. Study of thinking in the Moscow methodological circle and self-organization of the methodologist: semiotic and institutional prerequisites // Centaur. Methodological and game-technical almanac (Moscow). 1997. No. 18. P. 7–15.
19. Oksamytny V.V. Lawful behavior of a person. Kyiv: Naukova Dumka, 1985. 175 p.
20. Law and lawmaking: theoretical issues / Editorial Board: Bobotov S.V., Kazimirchuk V.P. (Responsible editor), Lukasheva E.A., Halfina R.O. Moscow: Publishing House of the Institute of Geological History of the USSR Academy of Sciences, 1982. 128 p.
21. Lawmaking. Theory and legislative technology: Translation from Romanian / Nasits A. / Edited by: Kerimov D.A. (Afterword), Mitskevich A.V.; Translated by: Fodor I. Moscow: Progress, 1974. 256 p.
22. Parliament and legislative power of Kazakhstan [Text]: Monograph / Rep. ed. A. A. Taranov. Almaty: Zheti Zhargy, 1995. 160 p.
23. Psychology of lawful behavior / Nurpeisov E.K.; Rep. ed.: Baimakhanov M.T., Kazimirchuk V.P. Alma-Ata: Science of the KazSSR, 1984. 127 p.
24. Reshetov Yu. S. Implementation of the norms of Soviet law: System analysis. Kazan: Kazan Publishing House. Univ., 1989. 154 p.
25. Rawls D. Theory of justice. Novosibirsk: Publishing house. NSU, 1995. 534 p.
26. Halfina R. O. General doctrine of legal relations. Moscow: Legal. lit., 1974. 351 p.
27. Yavich L.S. The essence of law: Social-philosophical. understanding of the genesis, development and functioning of legal entities. forms of public relations / L. S. Yavich. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1985. 207 p.
28. Hart H. L. A. The Concept of Law. Clarendon Press, Oxford, 1977. 333 p.
29. Rawls J. Justice as Fairness: Political not Metaphysical // Philosophy and Public Affairs, Vol. 14, No. 3. (Summer, 1985), pp. 223–251 // URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0048-3915%28198522%2914%3A3%3C223%3AJAFPNM%3E2.0.CO%3B2-0>
30. Rawls J. The Idea of an Overlapping Consensus // Oxford Journal of Legal Studies. 1987. Vol. 7 (1). Pp. 1–25.

For citation: Matyukhin A.A., Komarov V.S. Distinctive features of the impact of legal understanding on the categories of the theory of state and law: article // Theory of State and Law. 2023. No. 4-1 (34). P. 196–204.

DOI: 10.25839/MATGIP_2023_4_1_34_187